

Зельда Фицджеральд

ВАЛЬС ОСТАВЬ
ДЛЯ МЕНЯ

Собрание сочинений

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф 66

Zelda Fitzgerald
SAVE ME THE WALTZ: Collected Writings

Перевод с английского Елены Петровой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-27066-4

© Е. С. Петрова, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

Стонали Фивы, как в предсмертных снах.
Шторма и грозы — это было лишь начало.
Молились мы, чтоб мир был в тех стенах
И чтоб лазурь небес ничто не омрачило.

Царь Эдип¹

¹ Трагедию Софокла «Царь Эдип» Э. Фицджеральд цитирует в рифмованном и очень вольном переводе на английский, опубликованном в 1911 г. Гильбертом Мюрреем. Тот же фрагмент, переведенный с греческого, например, С. Шервинским, звучит так:

Наш край дорогой
В тот год роковой
Ты вывел из бедствий
На правильный путь, —
Так будь же и ныне
Нам кормчим благим!

(Здесь и далее примеч. перев.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

— Эти девицы, — говорили окружающие, — привыкли думать, будто могут вытворять что угодно — и при этом безнаказанно.

А все потому, что при таком отце они были как за каменной стеной. Он служил им живым оплотом. Люди в большинстве своем высекают для себя зубчатые жизненные стены из компромиссов, возводя неприступные твердыни из благоразумного непротивления, сооружая философские подъемные мосты из укрощения чувств и поливая мародеров кипящим маслом из косточек винограда, который еще зелен. Судья Беггс в молодые годы окопался в траншеях своей цельности; его башни и храмы вырастали на интеллектуальных фундаментах. Насколько было известно его ближнему кругу, он не оставил на подступах к своей крепости ни одной горной тропы — ни для добродушного козопаса, ни для воинственного барона. На фоне его одаренности это высокомерие оказалось, по всей видимости, тем изъяном, который не позволил ему стать видным политическим деятелем. Штат смотрел на заносчивость судьи сквозь пальцы, и это избавило его детей от тех усилий, какие требуются юным для возведения собственных твердынь.

Один сильный мужчина стоит многих, если ради своей породы выбирает удобные принципы натурфи-

Роман «Save Me the Waltz» опубликован издательством *Charles Scribner's Sons* в октябре 1932 г.

лософии, дабы придать своей семье видимость целеобусловленности. К тому сроку, когда потомки Беггсов научились считаться с изменчивыми требованиями своего времени, их всех уже подмял под себя дьявол. Искалеченные, они долго цеплялись за феодальные сторожевые башни предков, оберегая свое духовное наследие, которое могло бы оказаться еще богаче, подготовь они загодя надежное хранилище.

Некая школьная подруга Милли Беггс признавалась, что в жизни не видела более несносного выводка, чем те детишки в нежном возрасте. Если они чего-нибудь требовали, Милли старалась предоставить им все, что в ее силах, а в противном случае вызывала врача для умирения жестокостей этого мира — плохо приспособленного, разумеется, для таких необыкновенных малюток. Остин Беггс, который много недополучил от родного отца, день и ночь возделывал ниву умственного труда, чтобы наилучшим образом обеспечивать своих чад. Милли предусмотрительно и с готовностью будила детей в три часа ночи, трясла погремушками и тихонько напевала, чтобы к утру от детского рева из головы супруга не вылетело происхождение Кодекса Наполеона. А супруг без тени юмора приговаривал: «Выстрою цепь укреплений, охраняемых диким зверьем, по верху пуцу колючую проволоку — и отгрожусь от этих безобразий».

Остин любил детишек, рожденных Милли, с отстраненной нежностью и рефлексией, какие проявляются у серьезного мужчины при соприкосновении с некоторыми рудиментами юности, с некоторыми воспоминаниями той поры, когда он еще предпочитал быть результатом житейского опыта, а не его инструментом. Если хотите прочувствовать, что здесь имеется в виду, услышьте доброту в звучании «Весенней сонаты» Бетховена. У Остина, вероятно, могли бы сложиться более тесные отношения с родными, не потеряй он своего единственного

сына, умершего в младенчестве. Чтобы исцелиться от этой утраты, судья в ожесточении предавался тревогам. Поскольку единственная тревога, в равной степени понятная мужчинам и женщинам, лежит в сфере финансов, он разделил эту тревогу с Милли. Швырнув ей счет за похороны младенца, он издал душераздирающий крик:

— Во имя всего святого: как я, по-твоему, должен это оплачивать?

Милли, никогда не отличавшаяся прочным чувством реальности, не смогла до конца примириться с такой жестокостью со стороны мужчины, в чьем характере ей виделись благородство и справедливость. После того случая она и вовсе утратила способность разбираться в людях, взяв за правило приспосабливаться к их несуразностям, и продолжала в том же духе, пока не достигла чуть ли не безупречной гармонии за счет фиксации своей преданности.

— Если у меня скверные дети, — ответила она подруге, — то я этого ни разу не замечала.

Вместе взятые, экскурсы в непримиримость людского темперамента научили ее, помимо всего прочего, методу переноса¹, который позволил ей справиться с рождением последнего ребенка. Когда Остин, разъяренный загниванием цивилизации, обрушивал на ее терпеливую голову свои угасающие надежды на человечество вкупе с денежными затруднениями, она переносила инстинктивную досаду на повышенную температуру Джоан или вывихнутую лодыжку Дикси, преодолевая житейские беды с блаженной скорбью древнегреческого хора. Столкнувшись с реалиями безденежья, она всем своим существом погрузилась в неизменно стоический оптимизм и сделала себя непроницаемой для тех особых печалей, которые преследовали ее до конца.

¹ В психологии — перенос ранее пережитых чувств и отношений в настоящее время и на другое лицо.

В терпкой атмосфере мистических верований чернокожих нянюшек семья прирастала девочками. По мере их взросления судья, с которым прежде связывались монетки на карманные расходы, трамвайные поездки в аккуратные предместья, пригоршни мятных леденцов, превращался в карательный орган, неумолимый рок, воплощение законности, порядка и строгой дисциплины. Юность и зрелость: гидравлический фуникулер, где зрелость, чьи вагонетки требуют меньше вод убеждения, стремится уравновесить балласт юности. Приобретая атрибуты женственности, девочки искали у матери отсрочки от статуса барышень, словно укрываясь от слепящих лучей под сенью спасительной рощи.

На террасе дома Остина поскрипывают цепи подвешенной скамьи, над веткой клематиса снует гляцевый жук, мошкара слетается на самосожжение в холл, к золотистой лампе. Южную ночь обмахивают тени, будто тяжелые, пропитанные влагой швабры, сметающие ночное забвение в сторону той черной жары, чьим порождением и сделалась сама ночь. По темным, пористым толстинкам веревочных трельяжных сеток ползут меланхоличные лунные лозы.

— Расскажи, как я была маленькая, — требует самая младшая из девочек.

Она льнет к матери в попытке настоящего родственного сближения.

— Ты была умничкой.

Эта девочка не обременена самопознанием: у своих родителей она появилась очень поздно, когда человечность уже отделилась от их внутреннего мира, а понятие «детство» стало более емким, нежели понятие «дитя». Ей хочется услышать хоть что-нибудь о себе, поскольку в таком возрасте трудно понять, что пока еще она представляет собой лишь пустой скелет и будет наполняться содержанием за счет того, что источает сама,

подобно тому, как полководец воссоздает картину сражения при помощи цветных булавочных головок уже после прорывов и отступлений своих войск. Она не знает, что ей предстоит сформировать свою личность собственными усилиями. Лишь много позже эта малышка, Алабама, поняла, что отцовский прах способен указать только на пределы ее возможностей.

— А бывало так, что я по ночам плакала, безобразничала, и вы с папой хотели, чтобы я умерла?

— Откуда такие мысли?! Все мои детки были — чистое золото.

— И бабушкины тоже?

— Думаю, да.

— Тогда почему она выгнала из дому дядю Кэла, когда он вернулся с Гражданской войны?

— Твоя бабушка была со странностями.

— И Кэл тоже?

— И Кэл. Когда он пришел с войны, бабушка тут же написала Флоренс Фезер, что та, как видно, ждет ее смерти, чтобы выйти за Кэла, так вот: пусть, мол, передаст своей родне, что все Бегтсы — долгожители.

— Она такая богатая была?

— Нет. Дело не в богатстве. Флоренс ответила, что с матерью Кэла уживется разве что сам дьявол.

— Выходит, Кэл так и не женился?

— Вот именно... бабушки всегда своего добьются.

Мать смеется — это смех барышника, который хвалится проявлениями своих деловых качеств и при этом будто бы извиняется, что с годами они только крепнут; это смех ликующего клана, который в нескончаемой борьбе за верховенство нанес поражение другому победоносному клану.

— Я бы на месте дяди Кэла возмутилась, — воинственно заявляет девчушка. — Я бы сама решила, как мне быть с мисс Фезер.

Глубокий, ровный отцовский голос подчиняет себя тьму заключительным диминуэндо, которое в семействе Бегсов знаменует время отхода ко сну.

— К чему ворошить эту историю? — рассудительно произносит отец.

Закрывая ставни, он убирает с глаз долой особенности этого дома: тяготение к свету, солнечные лучи, что пронизывают оборки гардин; теперь складки цветочного ситца колышутся неухоженными садовыми бордюрами. Сумрак не оставляет у него в комнате ни теней, ни причудливых контуров, а просто переносит их целиком в более размытые, более серые миры. Зимой и весной дом похож на чудесную сверкающую обитель, выписанную красками на зеркале. Пусть кресла уже разваливаются, а ковры протерлись до дыр — это никак не влияет на яркость изображения. Дом — это вакуум, где культивируется цельность природы Остина Бегса. На ночь дом погружается в сон, как сверкающий меч, что погружается в ножны усталого отцовского благородства.

Кровельное железо потрескивает от жары; в домашнем воздухе словно бы веет затхлостью старого сундука. С площадки второго этажа из-под притолоки уже не пробивается свет.

— А Дикси где? — вопрошает отец.

— Пошла прогуляться с друзьями.

От такой уклончивости девочка настороженно подается вперед, проникаясь важным чувством сопричастности к делам семейным.

«У нас всякое случается, — думает она. — Как здорово, что мы — одна семья».

— Милли, — продолжает отец, — если Дикси опять дефилирует по городу с Рэндольфом Макинтошем, пусть лучше не возвращается в мой дом.

У него гневно трясется голова; от поругания благопристойности сползают очки. Мать неслышно шагает

по теплым коврикам детской, и крошка-дочь остается лежать в темноте, безропотно и даже гордо подчиняясь законам клана. Отец в камчатом шлафроке спускается в холл и там ждет.

Из фруктового сада, что через дорогу, над детской кроватью плывет аромат спелых груш. Где-то вдалеке оркестрик разучивает вальсы. Темноту нарушают размытые пятна белизны — гроздь белых цветов и каменная брусчатка. Месяц, отражаясь в оконном стекле, устремляется в сторону палисадника и, подобно серебряному веслу, поднимает рябь на сочных испарениях земли. Мир сейчас моложе обычного, а девчушка видится себе неизмеримо старше: умудренная опытом, она не отмахивается ни от каких сложностей, но борется с ними так, словно они обрушились на нее одну, а не укоренились в наследуемых ценностях белой расы. Все сущее подернуто яркостью и гляncем; она уверенно исследует жизнь, будто шагая через сад, который по ее велению произрастает на самых что ни на есть скудных почвах. У нее уже вызывают презрение регулярные парки и крепнет вера в садовода-волшебника, который добьется, чтобы ароматные цветы распускались на каменных склонах, чтобы ночные выюнки благоухали на бесплодных пустошах, чтобы дыханье сумерек приносило свои плоды, а золотоцветами чтобы можно было расплачиваться в магазинах. Ей хочется, чтобы жизнь текла легко и наполнилась событиями, которые приятно вспомнить.

Эти раздумья навевают ей романтический образ поклонника сестры. У Рэндольфа шевелюра — что перламутровая раковина изобилия, откуда льются солнечные зайчики, которые составляют его лицо. Ей грезится, что внутри она и сама такова, ей грезится, что это ночное смятение чувств — ее отклик на красоту. О Дикси она думает с волнением, как о взрослой копии самой себя, но отчужденной преобразованиями возраста — так загорелая

до черноты рука может почудиться тебе незнакомой, если не уследишь за постепенными изменениями. Алабама примеряет на себя любовную историю сестры. От умственных усилий ее клонит в сон. Напряжением своих затухающих мечтаний она отстранилась от себя самой. И теперь засыпает. Месяц благосклонно подставляет сгиб своего локтя под ее загорелое личико. Во сне она взрослеет. Настанет день, когда, проснувшись, она увидит, что в альпийских садах растут большей частью лишайники, которые нетребовательны к почвам, что белые гроздья, чьими ароматами напитан ночной воздух, останавливаются в росте на стадии эмбрионов, а сама она, повзрослев, будет с горечью бродить геометрически правильными аллеями Ле-Нотра, а не загадочными тропками, петляющими среди грушевых деревьев и златоцветов ее детства.

Алабама так и не смогла определить, что же будит ее по утрам, когда она лежит в постели, озираясь и сознавая только, что лицо ее лишено всякого выражения, словно его накрыли мокрым ковриком для ванной. Но она делала над собой усилие. Живые глазенки пушистой лесной зверушки, угодившей в силки, тарасились на скептическом, напряженном, как натянутая сеть, личике; лимонно-желтые волосы липли к спине. Одеваясь перед уходом в школу, она картинно жестикулировала и без нужды склонялась вперед, наблюдая за движениями своего тела. В неподвижных испарениях Юга звонок, напоминавший о скором начале учебного дня, оказывался пустым сотрясением воздуха, как завывание бакена среди приглушающей всякие звуки необъятности моря. На цыпочках Алабама пробиралась в комнату Дикси и наводила густой румянец с помощью косметических принадлежностей сестры.

Когда ей говорили: «Алабама, ты же нарумянилась», она отвечала попросту: «Да я только потеряла щеки брусочком для ногтей».

Дикси в глазах младшей сестры была абсолютно состоявшейся личностью; комната ее ломилась от всяких сокровищ; повсюду валялись шелковые вещицы. На каминной полке статуэтка, изображающая трех обезьян, хранила спички для курения. От одного гипсового «Мыслителя» до другого тянулась полочка, на которой выстроились «Темный цветок», «Гранатовый домик», «Свет погас», «Сирано де Бержерак» и «Рубаи»¹ — иллюстрированное издание. Алабама знала, что в верхнем ящике комода спрятан «Декамерон»: она прочла все рискованные эпизоды. Над книгами гибсоновская девушка² с лупой колола мужчине шляпной булавкой; на подголовнике белого кресла-качалки блаженствовали два плюшевых медвежонка. Среди сокровищ Дикси выделялись прелестная розовая шляпка, и брошь с аметистом, и электрические щипцы для завивки. Дикси стукнуло двадцать пять лет. Алабаме в два часа ночи четырнадцатого июля исполнялось четырнадцать. Средней сестричке Беггс, Джоан, было двадцать три. Джоан жила в другом городе; впрочем, при благонравии средней сестры ее присутствие в доме ни на что не влияло.

Алабама с надеждой скатилась по перилам. Иногда ей снилось, как она падает в лестничный пролет, но внизу приземляется верхом на широкие перила и тем самым спасает себе жизнь: скользя вниз, она репетировала чувства, пережитые во сне.

Дикси уже сидела за столом, отгородившись от мира тайным вызовом. Подбородок у нее покраснел от слез,

¹ «Темный цветок» (1913) — роман Джона Голсуорси. «Гранатовый домик» (1891) — сборник сказок Оскара Уайльда. «Свет погас» (1890) — роман Редьярда Киплинга. «Сирано де Бержерак» (1897) — пьеса Эдмона Ростана. «Рубаи» (1859) — поэма английского поэта Эдварда Фицджеральда, вольный перевод рубаи Омара Хайяма.

² Идеал женской красоты конца XIX — начала XX в.; по имени американского художника-иллюстратора Чарльза Гибсона (1867–1944).

а на лбу выступили красные полосы. Под кожей лица бугрились и опадали желваки — то в одном месте, то в другом, как пузыри в кипящем котелке.

— Я не просилась родиться, — выговорила она.

— Не забывай, Остин: она уже взрослая.

— Этот тип — никчемный хлыщ и отъявленный бездельник. Он даже не потрудился развестись.

— Я сама зарабатываю себе на жизнь и буду поступать по своему разумению.

— Милли, ноги его больше не будет в моем доме.

Алабама замерла в ожидании какого-нибудь эффектного всплеска протеста против отцовского вмешательства в любовную историю. Но единственным событием так и осталась ее собственная детская неподвижность.

Солнце на серебристых листьях папоротника, и серебряный кувшин для воды, и шаги уходящего на службу судьи Бегтса по сине-белым плитам отмерили столько-то времени, столько-то пространства — и ничего более. Она слышала, как на углу под кронами катальпы остановился трамвай, который увез судью. В его отсутствие даже игра света на листьях папоротника сбивалась с ритма; по его воле дом пребывал в подвешенном состоянии.

Алабама разглядывала плети трубкоцвета, вьющиеся по дворовому забору: они напоминали нитки рубленых кораллов, намотанные на голый шест. Хрупкостью и надменностью утренняя тень под персидской сиренью уподобилась солнечному свету.

— Мама, не хочу я больше ходить в школу, — задумчиво произнесла Алабама.

— Это еще почему?

— Получается, что я все уже знаю.

Мать посмотрела на нее в упор с еле заметным враждебным удивлением; но дочь раздумала вдаваться в подробности и, чтобы не сделать себе хуже, перевела разговор на сестру.

— Как отец, по-твоему, поступит с Дикси?

— Ох, я тебя умоляю! Об этом не тревожься, не забивай без надобности свою милую головку такими вопросами.

— Я бы на месте Дикси ни за что его бы не послушалась. Мне нравится Дольф.

— В этом мире не так-то просто заполучить всё, что хочется. А теперь беги — в школу опоздаешь.

Классная комната, вспыхнув жарким, трепетным румянцем щек, отпрянула от больших квадратных окон и встала на якорь под сумрачной литографией, изображавшей сцену подписания Декларации независимости. На далекой грифельной доске медлительные июньские дни один за другим сплетались в узел солнечного света. В воздухе пылью витали мельчайшие белые катышки от стирательных ластиков. Волосы, плотная зимняя саржа, заскорузлый налет в чернильницах душили это мягкое раннее лето, которое прокладывало белые туннели под уличными деревьями и обдавало окна сладковато-болезненным жаром. Среди этого затишья кружили скорбные, почти негритянские интонации.

— Берите помидоры, спелые, сладкие помидоры! А вот зелень, зелень в пучках.

На мальчиках были длинные зимние гетры, черные, но отливающие на солнце зеленым.

Под иллюстрацией «Дебаты в Ареопаге» Алабама написала: «Рэндольф Макинтош». Обведя карандашом фразу «Все мужчины были незамедлительно казнены, а женщины и дети проданы в рабство», она раскрасила губы Алкивиада¹ и на этом преобразовании захлопнула том «Истории древнего мира» Мейера. Мысли ее беспорядочно перескакивали с одного на другое. Как это

¹ Алкивиад (ок. 450 — ок. 404 до н. э.) — афинский политический деятель и полководец, воспитанник Перикла и ученик Сократа.

Дикси ухитряется быть такой взбалмошной, такой бойкой? Алабама считала, что сама никогда и ничего не добьется с первой попытки — никогда не научится жить в постоянной готовности к непредвиденному. В глазах Алабамы старшая сестра представляла собой идеальный инструмент для жизни.

Дикси работала в городской газете — вела колонку светской хроники. Стоило ей вернуться из редакции, как в доме начинал трезвонить телефон и не унимался до самого вечера. Не умолкал и ее голосок, воркующий, жеманный, чувствительный к собственным вибрациям. «Прямо сейчас точно сказать не могу...» А потом — сплошное тягучее журчанье, словно из ванны вода переливалась через край.

— Хорошо, я сообщу, когда будет возможность увидеться. Нет, сейчас неудобно разговаривать.

Лежа на спартанской железной койке, судья Беггс перебирал желтеющие листы предзакатного часа. Его туловище опавшей листвой укрывали тома в сафьяновых переплетах: «Анналы английского права» и «Комментарии к случаям из судебной практики». Телефон не давал ему сосредоточиться.

Звонки Рэндольфа судья распознавал безошибочно. Вытерпев с полчаса, он ворвался в холл и, с трудом сдерживая дрожь в голосе, бросил:

— Послушай, если тебе неудобно разговаривать, к чему столько времени висеть на телефоне?

Судья Беггс бесцеремонно вырвал у дочери трубку. Его интонации с беспощадной точностью воспроизвели движения рук таксидермиста:

— Попрошу вас никогда больше сюда не звонить и не искать встречи с моей дочерью.

Дикси заперлась у себя комнате и просидела там двое суток, отказываясь от еды. Алабама купалась в своей причастности к этому акту неповиновения.

— «Приглашаю Алабаму выступить в паре со мною на благотворительном балу», — телеграфировал Рэндольф.

Дочерние слезы всегда задевали мать за живое.

— К чему бесить отца? Обо всем можно договориться вне этих стен, — увещевала она.

Не знающее ни границ, ни уложений великодушные матери год за годом подпитывалось необходимостью мириться с железной логикой отточенного судейского ума. Существование, при котором женская терпимость не играет никакой роли, несовместимо с материнскими чувствами, а потому Милли Беггс к сорока пяти годам сделалась анархисткой во всем, что касалось душевных сфер. Таким способом она доказывала себе необходимость личного выживания. Сама ее непоследовательность как будто позволяла ей возвыситься над уловками — стоило только пожелать. Нельзя же было допустить, чтобы в преддверии осенних судейских выборов Остин занемог или, хуже того, умер, коль скоро в семье трое детей, вечная нехватка денег, а страховка и образ жизни строго соответствуют букве закона; но сама Милли, не столь прочная нить в общем узоре, ощущала, что для нее лично допустимо и первое, и второе.

Алабама отнесла на почту письмо, которое Дикси написала по совету матери, и встреча с Рэндольфом состоялась в кафе «Тип-Топ».

Барахтаясь в водовороте отчаянной решимости отрочества, Алабама интуитивно не доверяла «замыслам», соединявшим ее сестру и Рэндольфа.

Рэндольф подвизался репортером в той же газете, где служила Дикси. Дочурку Рэндольфа забрала к себе его мать, живущая в некрашеном домике на южной границе штата, близ густых тростниковых зарослей. Черты его лица и разрез глаз были неподвластны настроению, буд-

то самым поразительным впечатлением всей жизни оставалось для него телесное существование как таковое. Он преподавал в вечерней школе бальных танцев, и Дикси исправно поставляла ему клиентуру — равно как и галстуки, и, к слову сказать, все остальное, что требовало тщательного отбора.

— Милый, когда не пользуешься ножом, его принято класть на тарелку, — сказала Дикси, переплавляя его личность в горниле своих светских навыков.

Никто не смог бы определить, услышаны им ее слова или нет, хотя всем своим видом он изображал внимание — не иначе как надеялся уловить желанную серенаду эльфов или фантастический, сверхъестественный намек на свое особое место в солнечной системе.

— Я буду фаршированный помидор, и картофельный гратен, и початок отварной кукурузы, и маффины, и шоколадное мороженое, — нетерпеливо вклинилась Алабама.

— Боже!.. Так вот, Алабама: мы с тобой исполним «Танец часов»¹: я надену трико арлекина, а ты — балетную пачку и треуголку. Успеешь придумать номер за три недели?

— Конечно, успею. Я запомнила кое-какие па из прошлогоднего карнавала. Это будет выглядеть вот так, смотрите. — Алабама двумя пальцами изобразила на столике невразумительные шаги. Крепко прижимая один палец к столу, чтобы обозначить точку на сцене, она растопырила пальцы обеих рук и начала сызнава. — ...А дальше вот так... И напоследок — фр...рр... рр... хоп! — объяснила она.

Рэндольф и Дикси наблюдали с некоторым сомнением.

— Очень мило, — нерешительно изрекла Дикси, дрогнув от энтузиазма сестренки.

¹ Из оперы Амилькаре Понкьелли «Джоконда», впервые исполненной в 1876 г.

— Можете озаботиться костюмами, — в ореоле ново-явленной собственницы заключила Алабама.

Перетягивая летучие восторги на свою сторону, она не гнушалась никакой добычей, оказавшейся под рукой, будь то родные сестры и их возлюбленные, сценические выступления и боевые доспехи. Неумная девчоночья переменчивость приобретала у нее черты импровизации.

Что ни день Алабама и Рэндольф до сумерек репетировали в старом зрительном зале, покуда уличные деревья, будто после дождя, не начинали поблескивать влажно-зеленым, как на полотнах Веронезе. Из этого зала в свое время уходил на Гражданскую войну первый алабамский полк. Узкий балкон провис между винтовыми железными столбиками, пол прохудился. По прилегающим склонам сбегали пологие лестницы, которые пересекали городские рынки, оставляя позади кур-пеструшек в клетках, рыбу, колотый лед из мясной лавки, гирлянды негритянских башмаков и армейские шинели в дверных проемах. Раскрасневшись от волнения, девочка на время погружалась в придуманный мир профессиональной атрибутики.

— Алабама унаследовала от матери бесподобный цвет лица, — отмечали авторитетные зрители, наблюдая за кружением ее фигурки.

— Я потеряла щеки брусочком для ногтей! — вопила она со сцены.

Такой ответ, не всегда точный и уместный, сам собой слетал у Алабамы с языка, если речь заходила о ее румянце.

— У девочки талант, — говорили окружающие, — нужно его холить и лелеять.

— Я сама поставила этот номер, — сообщала она, слегка покривив душой.

Фицджеральд З.

Ф 66 Вальс оставь для меня : Собрание сочинений / Зельда Фицджеральд ; пер. с англ. Е. Петровой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 512 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-27066-4

Супруги Фрэнсис Скотт и Зельда Фицджеральд — «золотая пара» века джаза, воплощение «потерянного поколения», плоть от плоти той легендарной эпохи, постоянные героини светской хроники и громких скандалов. Принято считать, что обладатель таланта, «естественного, как узор из пыльцы на крыльях бабочки» (по выражению Хемингуэя), писал свои шедевры, а Зельда тем временем пыталась стать звездой дягилевского балета; что он зарабатывал состояние за состоянием — но все деньги уходили на ее содержание в дорогих психиатрических клиниках; и что история их драматических отношений легла в основу его знаменитой книги «Ночь нежна». На деле же Зельда успела первой: ее новаторский роман «Вальс оставь для меня», основанный на том же автобиографическом материале, был опубликован, к большому неудовольствию супруга, двумя годами раньше, а через несколько десятилетий пошли разговоры о том, что муж в своем творчестве не стеснялся пользоваться ее дневниками и записными книжками, причем дословно. Как бы то ни было, «Вальс оставь для меня», с его историей американского взросления и европейских мигрантств взбалмошной красавицы Алабамы Найт и ее мужа-художника, остается удивительным документом блестящей эпохи.

Вашему вниманию предлагается полное собрание прижизненных публикаций Зельды Фицджеральд — роман, рассказы, эссеистика, — причем роман публикуется в новом переводе, а остальные материалы на русском выходят впервые. В оригинале большинство рассказов исходно печатались под именем обоих супругов или за авторством Ф. С. Фицджеральда — но написаны Зельдой.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ЗЕЛЬДА ФИЦДЖЕРАЛЬД
ВАЛЬС ОСТАВЬ ДЛЯ МЕНЯ
Собрание сочинений

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Анна Марченко, Антонина Семенова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.10.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 31,36. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ILN-36066-01-R